

18+

Галина Ергужина

Люди-Ангелы

Галина Ергужина

Люди-Ангелы

«Издательские решения»

Ергужина Г.

Люди-Ангелы / Г. Ергужина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-659743-3

Книга содержит четырнадцать острых, захватывающих историй о людях, которых мы привыкли не замечать и о ситуациях, которые не хотим видеть. Рассказы никак не связаны между собой и являются отдельной историей.

ISBN 978-5-00-659743-3

© Ергужина Г.
© Издательские решения

Содержание

Старик Емек	6
Туман	13
Двое	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Люди-Ангелы

Галина Ергужина

© Галина Ергужина, 2025

ISBN 978-5-0065-9743-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Старик Емек

– Зачем мне телефон?! – обиженно спросил он, – Разве мне кто-то звонит? Или я кому-то звоню? Я инвалид! Я давно никому не нужен и мне... и мне никто не нужен! Всё, что мне нужно, так это быстрее умереть, чтобы не мучить тебя!

– Тише, тише! – попыталась она успокоить своего брата, всё же положив в его прикроватную тумбочку новенькую коробку с телефоном.

Её пальцы осторожно коснулись его плеча.

– Прости, Боят! – прошептала она, когда он с зажатым в бледных губах стоном отвернулся к стене, – Телефон теперь не только средство для связи: ты можешь смотреть новости, фильмы, слушать музыку...

– Я не хочу! Не хочу смотреть новости, они уже не для меня! Я не хочу смотреть фильмы, они раздражают меня, ведь там полноценная жизнь! А музыка навеивает на меня тоску! – горячо зашептал он и снова отвернулся к стене, – Уходи, Минара!.. Оставь меня, пожалуйста!

Женщина умолкла. Нет, она не рассердилась, она в очередной раз расстроилась. Снова ей не удалось его порадовать. Её тридцати пятилетний брат Боят уже пять лет, как в инвалидном кресле. Его с первой минуты разбил диагноз, прозвучавший как приговор, и он даже не попытался надеяться на лучшее. Хотя да, Боят был прав. В его случае глупо тешить себя надеждами, так сказал врач. Но Минара не могла смириться с его отказом просто жить, хоть как-то подстроится под своё положение, отвлечь себя от бесконечного потока тяжёлых мыслей. Минара тихая, простая, сорока восьмилетняя женщина и бегаёт к нему каждую неделю, желая хоть как-то развеселить его, накормить или порадовать новостями. Но Боят только ругает, огрызается и гонит свою сестру прочь. С юности угрюмый и замкнутый, Боят жил свою жизнь заперти, не женился и не заводил детей, а пять лет назад он упал на стройке и оказался в числе всеми забытых людей. Единственные пара друзей испарились, сотрудники по работе, обещавшие помогать ему, тоже пропали. Все, кого он знал, оставили его. Но не Минара. Его старшая сестра всегда была рядом. Забрать к себе Боята Минара не смогла. Он поднял такой шум, даже расплакался, так что Минара уступила брату и оставила Боята в покое в его доме, наняв ему в качестве помощника постороннего человека, как он и попросил. Но люди постоянно менялись в этом доме. У Боята был несносный характер и никто не хотел оставаться с ним, даже за большие деньги. Неизвестно почему, он стал злым и подозрительным, и часто обвинял людей, которых она нанимала, в воровстве и всякого подобного рода проступках. Даже, если это и было бы так, Боят со своей постели не смог бы ничего этого увидеть. Но спорить Минара не хотела. Боят был её единственным братом и когда-то он был ей самым близким другом и надёжной опорой.

– Я хотела, чтобы ты продолжал видеть мир вокруг себя, – растерянно пробормотала она.

– Зачем мне мир, которому я не нужен? – буркнул он, не поворачиваясь.

– Мир должен быть нужен прежде всего самому тебе, Боят! – коротко ответила она.

– Забери телефон, отдай его своему внуку! – велел он, прикрыв от боли глаза.

Минара мгновение сидела неподвижно, но потом она сделала вид, что открыла тумбочку и взяла в руки телефон. Затем закрыла дверку и поправила плед, натянув его повыше к его плечам.

– Прохладно, Боят.

– Ладно, – согласился он.

– Сегодня придёт старик, – продолжила она, как бы между прочим, – он согласился помогать тебе по уходу за тобой. Не обижай его пожалуйста, Боят. Молодые не хотят идти к тебе, а старому человеку будет нелегкой эта работа. Его зовут...

– Мне всё равно, как его зовут! – раздражённо прервал её Боят, уткнувшись в край своей подушки, также не оборачиваясь на женщину и через мгновение добавил: – Иди, я всё понял. И не трать больше на меня своих денег.

Она встала с места, взяла свою сумку и потихоньку поцеловала его в макушку.

– Приду в следующую субботу, – пробормотала она, не уверенная, что ему нужно это слышать.

Через несколько минут после того, как она ушла он, кое-как сдерживая отчаянный громкий стон, снова развернулся на подушке. Боль, словно электрический ток, прошивала его позвоночник и спину, а на глаза невольно проступали слёзы. Боль острая, невыносимая, Боят жил с ней пять чёртовых лет, похудел, стал дряблым, тело его утратило прежние силы, он иссыхал и молил бога о смерти. Но Всевышний тоже оставил его и Боят знал это наверняка. Бедняга около двух часов лежал неподвижно в пустой комнате. Его кровать была расположена прямо у двери, головой к выходу, а в ногах, упираясь в стену, стоял высокий комод. Над старым пошарпанным комодом висело большое полукруглое зеркало, рядом с которым ещё оставались несколько фотографий с чужими, уже незнакомыми Бояту лицами. Когда-то эти лица были его друзьями, они фотографировались на стройке, где он работал крановщиком. Вдоль стены до самого окна, напротив кровати Боята тянулся невысокий гарнитур, состоявший в основном из книжных полок и, кстати, эти полки были набиты до отказа книгами. Все эти книги Боят прочитал по несколько раз. Но ни одну из них так и не запомнил, такими скучными и пустыми они казались ему.

За окном стоял морозный и колючий январь и весь посёлок утонул в снегу, искрившемся на полуденном солнце.

Вдруг послышался скрип двери, из которой слегка потянулся холодный воздух, едва удерживаемый на пустой веранде. И в зеркало, висевшее над комодом, Боят увидел вошедшего в дом старика. Уверенно отперев дверь ключом, который, как и предыдущим работникам, ему дала Минара, он неслышно вошёл в просторную комнату, которая в доме звалась столовой и не спеша осмотрелся. Боят замер, разглядывая старого человека в зеркало. Это был совсем нищий старик лет семидесяти, его демисезонная старая куртка была не просто износившейся, но и порванная по рукаву. Лицо, заросшее бородой, сплетённой с густыми усами, было тёмным и неразборчивым, а густые седые брови почти опустились на маленькие, прищуренные глаза. Старик спустил на пол увесистый грязный рюкзак, разулся, снял куртку и первым делом подошёл к умывальнику, высоко засучив рукава. Шумно плескаясь, он тщательно вымыл свои сильные жилистые руки по локти. Зеркало в комнате Боята, висевшее над комодом, охватывало всю комнату, в которой находился старик: и входную дверь, и печь в углу и кухонный уголок и стол в центре комнаты. Это был обзорный экран Боята, который он с самого первого дня после больницы попросил своего друга повесить перед дверью. Люди, входившие в комнату, искали глазами кровать больного и не обращали внимания на никчёмное зеркало. А вот Бояту всегда было видно, что делается в его доме. Осмотревшись по сторонам, старик быстро нашёл полотенце и насухо вытер об него руки, тут же опустив рукава поношенного шерстяного полувера. Боят продолжал смотреть в зеркало. Старый бродяга достал что-то из рюкзака и выложил это на стол. Бояту было не видно, что именно он достал, но ему показалось, что это были какие-то бумажные кульки. И через минуту, старик осторожно подошёл к проёму двери комнаты хозяина дома. Боят внимательно смотрел, обратит ли он своё внимание на зеркало, висевшее напротив входа в его комнату, но тот сразу же взглянул на кровать у двери. Так делали все. Глаза старика наткнулись на тяжёлый и неприветливый взгляд хозяина, но он ничуть не смутился и не отпрянул от неловкости подобной встречи. Лишь замер на полсекунды, оценивающе глядя прямо ему в глаза, затем слегка небрежно кивнул Бояту и мясистым, ещё полным жизненной силы голосом произнёс:

– Меня зовут Емек -ага, ваша сестра Минара просила помочь вам.

Это был тон свободного человека, не заискивающий, не грубый и не мягкий.

– Что ж, растопите печь! – вяло бросил ему в ответ Боят, безразлично уставившись в зеркало, в котором отражались бумажные кульки на столе. Что это было в них? Продукты? Старик пришёл со своей едой?

– Для начала, – упрямо произнёс Емек-ага, – я бы хотел слышать ваше имя, чтобы как-то к вам обращаться.

– Меня зовут Боят, – сдерживая раздражение, ответил хозяин дома, – а теперь растопите печь!

– Пожалуйста! – как-то двусмысленно послышалось в ответ, – Непременно растоплю, как только вы подскажете мне, куда мне можно разместить свои вещи?

И только, дослушав фразу до конца, Боят понял вдруг, что Емек-ага порекомендовал ему при просьбах использовать слово «пожалуйста». Он медленно повернул голову на старика и тихо процедил:

– Да, пожалуйста!

Тот почти почтительно кивнул, слегка улыбнувшись глазами.

Боят снова отвернулся и слегка раздражённо произнёс:

– Где хотите размещайте свои вещи, как видите, я не пользуюсь остальной частью дома.

– Хорошо, – с готовностью кивнул Емек-ага, так и не входя в комнату, – начнём с печи, в доме и правда прохладно.

Он отошёл от двери и Боят снова увидел его в просторной комнате, где старик проворно закопошился у печи. Боят раздумывал над их коротким диалогом и не смог не подметить, что этот человек достаточно своенравный. Нельзя было не заметить и явной харизмы этого бродяги. Однако было в этом нищем что-то едва уловимое, что-то неподдельно подкупавшее Боята. И он стал внимательно наблюдать, как старый человек, растопив печь, принялся возиться на кухне, что-то мыл, что-то резал и кипятил. Всё это старик делал быстро и почти бесшумно. И парню показалось, что Емек-ага тоже долгое время жил самостоятельно, и при том, что по хозяйству он управлялся достаточно привычно, старик не всегда жил на улице. Боят не помнил, как он уснул, но проснулся он спустя несколько часов от того, что кто-то цепко держал его за пальцы ног.

– Что вам надо?! – почти вскрикнул он.

И не то от того, что он нечаянно дёрнулся в постели или от того, что невольно двинул конечностями боль с такой силой пронзила его тело, что он во весь голос вскрикнул и тут же покрылся крупными каплями пота. Эта боль вызвала такую ярость, что Боят заорал во всю мощь своего голоса:

– Убирайтесь отсюда вон! И не смейте прикасаться ко мне больше никогда, слышите?

Старик даже не вздрогнул, он внимательно и печально смотрел на Боята, потом осмотрелся вокруг, разглядывая комнату, затем вновь обернулся на парня.

– Убирайтесь вон! – процедил Боят и снова взвыл от боли, насквозь распоровшей его измученное тело.

Старик Емек молча вышел, а Боят стал судорожно думать, как избавиться от него. До субботы надо было ждать неделю, связи с сестрой у него не было, потому что телефон Минара забрала, а выгнать старика Боят не мог, ведь Минара уже оплатила ему какую-то сумму. Выгнать – значит, потерять деньги Минары. Боят со стоном ухватился за края простыни, свисавшей из-под него и снова взвыл. Пальцы его побелели, а на лбу проступила испарина. Боят и раньше слышал о случаях с жестокими сиделками, но никак не ожидал, что с ним случится такое же. Старик тем временем, повозившись на кухне, внёс разнос с дымящимися тарелками и сладким травяным чаем, молча поставил его перед Боятом и вышел, проявляя полное безразличие к стонам хозяина дома.

Тогда Боят, не скрывая своего презрения к работнику, с силой ударил по разному, скинув его с постели и грохот упавшей и разбившейся о пол посуды оглушил даже его самого. Старик вошёл в комнату и безразлично посмотрел на испачканные едой половицы и разбитую посуду. Потом он, будто вспомнив о чём-то, находясь где-то в своих мыслях, вышел из комнаты. Боят дрожал всем телом не то от боли, не то от ярости, сковавшей его беспомощное тело и бессмысленно смотрел в потолок. Хлопнула входная дверь и Боят взглянул в зеркало в надежде, что старик убежал. Но в пороге по-прежнему стоял его старый грязный рюкзак, а на столе так и оставались лежать бумажные кульки. И тут Боят увидел, что некоторые из них были развёрнуты, словно из них что-то уже доставали. «Как мне его известить?» – подумал Боят, наблюдая, как дед, вернувшись с улицы, внёс охапку дров и ведро черного комкового угля. Боят, не желая видеть старика, отвернулся к стене и стал мысленно перебирать в своей голове всё, что не любят старики. Но, что бы ему не приходило в голову, было невозможно реализовать, ведь Боят не мог самостоятельно двигаться, разве что вертеть головой и руками. И он злобно застонал, подобно вою дикого зверя, обречённого погибнуть лишь потому, что он полностью обездвижен. В комнату очень быстро вошёл старик и, откинув одеяло с парня, воткнул в ногу Боята шприц. «Обезболивающее!» – мелькнуло в голове Боята. Должно быть, Минара снабдила старика лекарствами и тот всё ж таки нашёлся и понял, как помочь хозяину. Эти мысли слегка успокоили парня, однако через минуту-полторы он медленно поплыл и его сознание вынесло его к быстротечной реке, протекавшей вдоль поселковой полосы. В ней каждое лето плескалась с утра до ночи ребятня, стирали женщины и рыбачили мужики. На этой реке своё детство провели и Минара с Боятом. Он снова мальчишка лет десяти плыл на камерном баллоне, надутом воздухом до отказа. Боят неожиданно ясно вспомнил этот день из детства, когда с ним приключилось простое злоключение, которое другим бы показалось пустяковым. И всё же, случай на реке оставил свой след в душе ранимого мальчика, потому что тогда он впервые испытал страх и стыд, который в последующие годы преследовал парня неотступно. За год до того дня его родители умерли, попав в аварию и сестра Боята стала ему матерью. Минаре тогда было двадцать три года и она встречалась со своим будущим мужем. В тот день они втроем пошли на реку и баллон Боята, упершись в упавшую в воду ветку гледичии, которую в народе чаще называют глядючкой, лопнул и стал стремительно спускаться. Толстые колючие шипы проткнули баллон и мальчик, боясь утонуть, истошно кричал на всю реку:

– Минара! Мой баллон спустился! Я тону!

Она всполошилась и поплыла к нему, а за ней следом поплыл её друг Дидар. В панике мальчишка перевернулся с баллона в воду и, едва вынырнув из-под воды, зацепился трусами за колючую ветку. Толстый шип, как коготь смерти, упёрся прямо в позвоночник маленького Боята, больно оцарапав кожу. Испугавшись, Боят так размахивал руками и ногами, что трупы закрутились и как-то обмотались вокруг ветки, а потом вдруг порвались пополам и когда молодые вынесли Боята на берег, все увидели его совершенно голым. Дидар стал громко смеяться, за ним и Минара, а потом и все ребяташки, которые были на берегу, а среди них были и девочки. И этот случай можно было бы забыть, но Дидар так часто потом вспоминал об этом на каждом своём семейном сборище, смеясь и заставляя смеяться своих гостей, что Боят подсознательно ненавидя его, оттолкнул и Минару, смеявшуюся вместе с ним. Это была самая позорная история, которой представляли Боята всё новым и новым людям. Останься она там, в детстве, эта история бы никогда не смогла разлучить Минару с братом. Но она не покидала Боята всю его юность, а потом и молодость. Парень возненавидел Дидара и поэтому не любил больше свою сестру Минару. И теперь он проклинал себя за то, что стал инвалидом и снова попал в зависимость от этих людей, потому что больше у него никого не осталось. И хотя он всегда скучал по своей сестре, он так и не смог ей простить того, что она за всё это время ни разу не запретила своему мужу потешаться над братом.

Боят открыл глаза.

Свет едва забрезжил в окно, был рассвет и во всём доме царила абсолютная тишина. Боят взглянул в зеркало едва приоткрытыми глазами и увидел старика Емек-ага, лежавшего на тонкой корпешке, положив под голову скрученную в валик свою демисезонную куртку. Веки были невозможно тяжёлыми, Бояту хотелось спать и он, поддавшись сладкому оцепенению сна, снова закрыл глаза. Но теперь он спал без снов и воспоминаний, крепко, спокойно и долго. А когда проснулся, над ним снова стоял старик Емек. Как-то странно склонив набок голову и заглядывая, казалось, прямо под ресницы Бояту, старик тарашился на парня и молчал.

– Что... что случилось? – чувствуя что-то не ладное, спросил Боят, едва шевеля губами.

– Что-нибудь хотите? – в замешательстве спросил старик.

Боят моргал, водил зрачками в разные стороны и пытался понять, отчего его тело было таким занемевшим.

– Я собираюсь уйти, Боят. Нужно кое-что прикупить.

– На рассвете? – съязвил хозяин дома.

– Сейчас вечер, четверть восьмого, – бесстрастно, будто не обращая внимания на настроение Боята, ответил ему старик.

– Вечер?! Сколько я спал?

– Может, часок-полтора! – безразлично пожал плечами старик и вышел из комнаты, направившись к двери.

Он надел свои огромные уже вычищенные ботинки, зашнуровал по рукаву куртку и осторожно захлопнул за собой дверь. Сознание Боята до сих пор было скованным от крепкого сна, он вяло хлопал глазами и чувствовал, как во рту медленно шевелится его сухой язык. Ключ щёлкнул в замке и Боят, глядя в зеркало, разглядел тщательно убранную комнату, рюкзака у порога уже не было, а на столе была расставлена какая-то посуда. Опустив глаза вниз, Боят увидел на полу возле своей кровати чистые половицы. И вдруг он увидел на себе широкие ремни, крепко натянутые вокруг его тела. Руки его были прижаты к бёдрам, а постель под парнем, испачканную брызгами перевёрнутого супа, кто-то поменял. Обычно постель ему меняла только Минара, но этого никак не могло быть! Она живёт в другом посёлке и вернуться, чтобы сменить постель она смогла бы только завтра, если бы ей позвонил старик. Значит, это он сменил постель под Боятом и привязал его к кровати, чтобы не шевелился и не переворачивал пищу!

Боят снова впал в ярость, но она, эта ярость была настолько ленивой и вялой, что он усомнился, что не спит. Он отчаянно вращал глазами по потолку, беспомощно глядел в зеркало и наконец, собрав все свои силы, закричал во всё горло:

– Старик! Развяжи меня сию минуту!..

Но кому он кричал? Никого в доме не было и, покрывшись испариной, он понял, что и крика -то не получилось.

«Чем он меня обдолбал?!» – вяло мелькнула мысль в его голове, но вот додумать эту мысли Бояту не удалось. Его сильно клонило ко сну, тело было спокойным и расслабленным и Боят снова сдался и впал в глубокий, крепкий сон.

Когда он проснулся за окном был тот-же вечер. Боят сразу же почувствовал в руке иглу и увидел капельницу, медленно капавшую по трубке бог весть что. Боят запаниковал, а старик, слегка оттянув губу парня, вставлял в его рот трубочку.

– Что? Зачем? – попытался сопротивляться Боят.

– Давайте, пейте! – сердито велел старик и в глотку Боята медленно потекла теплая вода, смочив, наконец, напрочь пересохшее горло и язык.

– Зачем эта капельница? Зачем ты связал меня?! – оторвавшись от трубочки, грубо спросил Боят, бесцеремонно перейдя на «ты».

Старик Емек-ага даже бровью не повёл. Он переставил трубочку в бокал с бульоном и снова воткнул её конец в рот Боята. Видя панику в глазах парня, который всё же послушно потягивал бульон, он спокойно ответил ему:

– Капельница, чтобы вы не страдали от постоянной боли, а ремни, чтобы не бросались едой, потому и привязал. Вы, Боят, довольно дурно воспитаны и жуть, как не сдержаны.

Не желая мириться с таким наказанием за своё поведение, Боят попытался напомнить старику о том, что он хозяин дома и волен выгнать хама. На что старик усмехнулся, переставил трубочку в другой бокал и буркнул, слегка рассмеявшись:

– Ну, попробуйте! Выгнать меня вам будет нелегко, молодой человек!

Боят пил что-то вроде чая, распознавая в нём какой-то травяной отвар и быстро пытался искать в своей голове способ одержать верх над стариком.

И спустя некоторое время, когда трапеза была закончена, Боят попытался обмануть работника:

– Хорошо. Я извиняюсь. Я больше не буду бросаться едой. Обещаю!

Тот встал с места, сгрёб всю посуду и, направившись к двери, ответил:

– Да, больше не будете!

С этими словами он вышел из комнаты. А Боят беспомощно взглянул на иглу, торчавшую в его вене на руке. Через какое-то время старик заменил пузырёк капельницы на другой и снова ушёл.

– Развяжите меня, Емек-ага! – закричал Боят, глядя в зеркало.

– Развяжу, – спокойно ответил старик, не переставая мыть посуду и аккуратно выставлять её на столе, – обязательно развяжу, как только вы станете вести себя, как адекватный человек и научитесь говорить «спасибо»!

– За что?! – взревел Боят.

– За всё, молодой человек!

– Вам заплатили за всё, что вы здесь делаете! – не унимался Боят.

– Верно, – спокойно отвечал старик, – но вежливость никто не отменял!

С этого дня хозяином дома и положения был старик. Он решал, что будет происходить в каждую следующую минуту. Если Боят отказывался от еды, Емек-ага уносил её и предлагал поесть только на следующий день. Но травяной чай он вливал Бояту, не зависимо от того, хотел или не хотел его пить парень. Капельницы старик капал каждый день по два-три раза, кормил плотно, поил чаем и говорил с Боятом только тогда, когда хотел. Боят почувствовал, что боль на самом деле отступила от него. Сознание Боята не туманилось, как в первый раз и парень успокоился и стал спокойно относиться не только к капельницам, но и ко всему, что делал старик. Он перестал орать и принял своё поражение, молча дожидаясь субботы. Но когда, чёрт возьми, эта суббота?! Время тянулось медленно и Боят вообще потерял все дни, он часто спрашивал старика:

– Какой сегодня день?

И тот всегда отвечал:

– Морозный.

Однажды Емек-ага вошёл в комнату и снова вцепился в ноги Боята. Парень вздрогнул, но боли не было. Старик стянул носки, бросил их в сторону и надел чистые.

– Боль отступила от вас, – безразлично сказал он, – капельниц больше не будет.

Затем Емек-ага склонился над Боятом и снял все ремни.

Боят наблюдал за ним молча и вдруг понял: «Сегодня суббота!». Через часа полтора дверь открылась и на пороге появилась Минара с большой сумкой в руках.

– Минара! – истошно, совсем как в детстве закричал Боят, глядя в зеркало.

Но она, не обращая внимания на его крик, поставила на пол сумку, подошла к старику, тот что-то тихо сказал ей, она в замешательстве слушала его, потом что-то ответила. И тут

Боят увидел, что старик торопливо облачился в свою старую, но уже чистую одежду, взял свой рюкзак и, кивнув женщине на прощание, вышел из дома.

– Ушёл! – с ощущением полной победы тихо выдохнул Боят.

Минара почти сразу, как закрылась дверь за стариком вошла в комнату Боята.

– Минара! Какой сегодня день, суббота? – радостно спросил он.

Она, удивлённая его настроением, слегка сдвинула брови, присматриваясь к своему брату.

– Нет, Боят! – медленно ответила она, – Сегодня понедельник.

– Понедельник? – удивился он, – Как это?.. Хотя да... тебя долго не было. Разве тебе не надо на работу?

– Я ушла с работы, Боят, – ответила женщина и погладила брата по голове, словно одобряя его за добрую встречу.

– Почему ушла?.. Хотя ладно, потом. Этот старик, он меня мучил! Он связывал меня ремнями, колот мне наркотики, я был совершенно беспомощным всю эту неделю!

И Боят сбивчиво, по несколько раз, старательно пересказывал всё, что происходило с ним всё это время, пока Минара не приезжала к нему. Она растерянно слушала его, снимая прямо перед ним пальто и платок, складывая вещи себе на колени.

– Я всю неделю тебя ждал, как никогда! – горячо говорил её брат, – Больше не надо сиделок, Минара! Отправь меня в дом инвалидов. Я согласен!

– Неделю? – Минара замолкла, сглотнула и не смело продолжила: – Нет, прошло три недели, Боят. Емек-ага позвонил мне и велел не приезжать, пока он не закончит лечить тебя. Он... он врач, Боят. Хирург. Просто однажды оказался без крова. Я предложила ему присмотреть за тобой и рассказала о тебе. Он сказал, что присмотрит. А потом позвонил и сообщил, что твой диагноз не правильный и пообещал мне, что всё исправит. А вчера Емек-ага позвал меня сюда, и сказал, что тебе нужен уход близкого человека, а не чужого. А ещё он добавил, что... что ты можешь вставать, Боят, и заново учиться ходить. И, если ты захочешь, ты снова будешь здоров. Всё, что он мог, он сделал, остальное в твоих руках. Поэтому я ушла с работы, чтобы помочь тебе. Нам предстоит с тобой пройти не лёгкий путь, но мы пройдем его вместе. Я буду с тобой, Боят.

Боят слушал её молча, бледный и ошеломлённый, он видел лицо своей сестры, как будто впервые, уставшее, доброе, родное лицо его Минары. И он вспоминал каждое мгновение, когда был в сознании и понимал! Теперь Боят понимал, что когда старик стянул его ремнями для того, чтобы он не двигался, он сделал ему... операцию! Вот, что за посуда стояла на столе, когда он пришёл в себя. И капельницы... и травяные чаи... старик лечил его!

Теперь Боят был парализован внутри своего сознания. Он не говорил весь вечер и ещё несколько дней. А через полгода, как только он снова смог ходить, Боят пошёл искать старика, чтобы навсегда дать ему кров в своём доме. Но у кого он только не спрашивал, куда только не обращался, никто не видел его и не знал. Боят прошёл все прилегающие соседние посёлки, но старика не нашёл. Шли месяцы и Бояту стало вдруг казаться, что это сам Всевышний пришёл к нему и исцелил его. Он исцелил не только от недуга после тяжёлой травмы, старик исцелил его душу от злости, от обиды на Минару и от обиды на весь окружающий его мир.

Туман

С пустынной загородной дороги по направлению к небольшому селению выскочила чёрная машина, с одной единственной фарой и помятым передним бампером, на котором кое-где всё ещё оставалась кровь. Несмотря на то, что было ещё около шести вечера, в сумерках, после продолжительных дождей, размывших всю окраину, видимость на дорогах была почти нулевая. И молодой человек, сидевший за рулём, почти всем телом налёг на руль, всматриваясь в туманную пелену, иногда почти вслепую проезжая мимо встречных машин. Водитель то и дело со страхом поднимал глаза к зеркалу заднего вида. Его новенький, но теперь уже битый BMW то и дело визжал на поворотах, виляя от скольжения и кое-как справляясь с заносами. На въезде в селение машина вдруг остановилась. Мужчина, тяжело дыша и едва не взвизгивая от паники, выскочил из кабины, осмотрел бампер и, увидев кровь, снова сел за руль, со всего маху закрыв за собой дверь.

В это время Азим и Айзана сидели в кухне за столом, их неприятный во всех отношениях разговор затянулся допоздна. Азим уже и не знал, как его продолжать, потому что что бы он ни говорил, Айзана тут же набрасывалась на него с упреками и раздражением. Она двадцати трёх-летняя местная красавица с роскошными волосами, большими миндалевидными карими глазами и точёным, словно нарисованным лицом. И он молодой мужчина лет тридцати, не броской внешности, высокий, статный, с добродушным, слегка удивлённым выражением лица.

– Я не прав, прости меня, Айзана! – повторял он раз за разом только лишь для того, чтобы этот разговор поскорее закончился.

Он очень любил Айзану и даже при мысли потерять её, ему становилось дурно. Так что, пусть себе ругается, он на всё согласен.

– Зачем ты извиняешься, Азимхан? – снова рассердилась она, – Ты ведь не считаешь себя виноватым!

Он вздохнул.

– Каждый раз, когда мы ругаемся, ты только и твердишь: «Прости, прости!», а что мне с этого? – отчитывала своего возлюбленного девушка, строго приподняв брови.

– А зачем мы вообще ругаемся, любимая? – с мольбой в глазах ласково спросил он.

– Всё из-за тебя, Азим! – вспыхнула снова девушка, – Сначала ты обещаешь мне, что мы поедем в город, пойдём в торговый дом, потом выдумываешь, из-за чего ты не сможешь пойти туда! Придумываешь всякое, типа: устал, давай в субботу, а зачем нам вообще этот торговый дом?

– Но я хочу скопить денег на нашу свадьбу, а для этого мне надо много работать, Айзана! – стараясь не терять в интонации доброжелательности, попытался возразить Азим, но она вдруг вскочила с места и схватила свою сумочку:

– Тогда приходи ко мне, когда выйдешь на пенсию!

– Но я ведь для нас стараюсь, милая! – взмолился он, подбежав к ней уже в прихожей, и когда она демонстративно потянулась за своим плащом, почти вскрикнул: – Ну, прости меня, Айзана, не уходи, пожалуйста! Я обещаю, завтра мы пойдём, куда захочешь и купим всё, что увидят твои глаза, обещаю тебе!

Она обернулась к нему, как ему показалось, чтобы в который раз «милосердно простить» его, но в этот момент в их ворота стали тарабанить с такой силой, что они оба вздрогнули.

– Кто это? – спросила она.

Азим выглянул в окно, что выходило во двор и увидел, что сквозь ворота во двор бьёт свет фар остановившейся у его дома машины. Тогда он быстро накинул на плечи куртку, повесив её плащ на место и, чмокнув её в нос, объявляя тем самым конец их ссоры, выскочил на крыльцо.

И когда Азим открыл калитку и поторопился впустить во двор ошарашенного чем-то друга, тот замотал головой и чуть не плача прохрипел:

– Нет, нет! Давай загоним машину к тебе во двор, Азим! Пожалуйста!

Тот без единого вопроса открыл ворота и дорогая машина Мансура въехала под широкий навес, под которым стоял его старенький, пошарпанный Nissan. Мансур вышел из машины и нервно вращая глазами, потянул Азимхана за рукав, уводя друга в его дом.

– Что случилось, Манс? – обеспокоенно спросил его лучший друг, но Мансур был не в себе от страха и не сказал ни слова, пока не снял с себя грязные ботинки и не выпил почти полный ковш воды.

– Да что с тобой?! – не выдержал Азимхан и Мансур тут же выпалил, не замечая за своей спиной Айзану:

– Я человека сбил, Азим!

В секунду повисшей между ними паузы, Азимхан почувствовал запах алкоголя с примесью пота. Шёлковый лощёный галстук был растянут, верхняя пуговица на вороте рубашки была оторвана, дорогой костюм как-то нелепо сидел на его повисших плечах, глаза парня были почти на выкате от ужаса, рот открыт, волосы взъерошены, а на лице бедолаги словно застыла гримаса страшного отчаяния.

– Пожалуйста, пусть моя машина останется на время у тебя! – взмолился Мансур и только теперь заметил прямо перед собой Айзану.

Он на мгновение замер, потом коротко, но жёстко бросил ей:

– А ты что здесь делаешь?

Азим удивлённо приподнял бровь, но промолчал. А Мансур больше не смотрел на них, он стал метаться по комнате, будто пытаясь воспроизвести в памяти все детали произошедшего. Девушка смотрела на Мансура застывшими, почти стеклянными глазами.

– Человек жив? – спросил Азимхан.

– Я не знаю! – растерянно бормотал Манс, – Был просто удар и он отлетел в сторону... я не увидел, откуда он взялся! Я даже не увидел, мужчина это или женщина!..

– Где и когда это случилось? – сухо спросил его друг.

Мансур на секунду остановился, потом снова стал метаться по комнате.

– Я ехал из города к тебе. Уже свернул с трассы на меж просёлочную дорогу... Минут двадцать назад... По трассе на тридцать первом километре... кажется... но я не помню... Я только моргнул! Он просто вылетел из-под колёс и отлетел на обочину!

Азимхан засобирался, натянув на себя старенький полувер. Он выбежал в прихожую и, натягивая на ноги поношенные сапоги, сердито выкрикнул:

– Ему ведь нужна помощь, придурок! Ты что, просто так бросил его и уехал?! А, если это ребёнок?

Мансур замер, слушая друга, уставившись на старый потёртый ковёр под ногами.

– Откуда там ребёнок в такой поздний вечер? – почти дрожащим от страха голосом спросил он не то сам себя, ни то Азима.

– Кретин! – продолжал Азимхан, полностью развернувшись к другу, – Наши сельские дети возвращаются в это время из школы домой! Почему ты пьяный садишься за руль? Сколько раз я говорил тебе, что это добром не кончится?

Азим продолжал что-то кричать, спустившись с крыльца, а Мансура вдруг затрясло. Его глаза бегали из угла в угол и вдруг он, даже не обуваясь, бросился за другом:

– Подожди, Азим! Куда ты?!

– Сиди здесь, Мансур! – стараясь говорить как можно тише, строго сказал Азимхан, – Я поеду и найду его. Ночью на дороге беднягу никто не заметит, а ему скорее всего нужна помощь!

Но Мансур схватил его за плечо и с силой развернул к себе:

– Я к тебе, как к другу приехал! – заорал он, – Меня посадят, если ты поедешь туда! Что ты творишь?!

– Человек может быть, ещё жив, Манс! – прошептал Азим, – Ему нужна помощь!

– Мне! Мне нужна помощь! – заорал прямо в лицо своему другу Мансур и почти волоком потащил своего друга в дом.

На крыльце Азимхан резко вывернулся из его охапки и пришёл в ярость.

– Тебе не помощь нужна, Манс, тебе нужна обыкновенная человеческая совесть! – зашипел он, тоже схватив друга за грудки, – Ты человека сбил и хочешь, чтобы мы с Айзаной сделали вид, что всё нормально?!

Мансур растерянно смотрел в глаза своего друга и молчал.

– Сиди здесь, я сказал! – отбросив его к двери, прорывал Азим, – Я поеду и найду его. Человеку окажут помощь, а кто его сбил, откуда ему знать?

Азимхан щёлкнул пультом, быстро сел в свою машину, и через минуту выехал со двора. Мансур постоял секунд двадцать перед дверью и вошёл в дом. Айзана так и продолжала стоять на своём месте. Маленького роста, одетая, как все сельские девушки, она была со вкусом обвешана дешёвыми простыми побрякушками и теперь нервно теребила пальцами свисавшее на грудь железное ожерелье со стеклянными бусинами. Она, разумеется слышала всё, что происходило на крыльце, но молчала и в упор смотрела на отяжелевшего от страха Мансура. Тот сел на диван, широко расставив ноги и закрыл лицо руками.

Она подошла к нему и присела перед ним, встав на колени. Медленно она обвила его своими руками и он, оторвавшись от своего лица, сгрёб её в охапку и страстно поцеловал в губы. А когда их губы расцепились он, не выпуская её из объятий и глядя ей прямо в глаза, спросил:

– Ты порвала с ним? У тебя получилось на этот раз? Почему ты до сих пор здесь?

Она жеманно, чуть переигрывая, закатила к потолку свои прекрасные глаза и с тяжёлым вздохом, но не без кокетства ответила:

– Он никак не идёт на разрыв, Мансур, я не знаю что делать!

– Чёрт, Айзана! – выругался Мансур и отодвинул от себя девушку.

Она поднялась с колен и стала нервно расхаживать по комнате, рассеянно похрустывая своими длинными пальцами. Теперь её занимала не любовная интрига, которую она намеренно заварила между двумя своими бывшими одноклассниками. Она усиленно думала, как спасти подвернувшийся выгодный вариант замужества за успешным Мансуром. Он – предприниматель, все его дела явно пошли в гору, когда он уехал из посёлка в город. А она, не зная об этом, связала себя помолвкой с простым сельским работягой только потому, что на фоне других сельчан Азим не употреблял алкоголь, имел свой собственный дом и хоть какую-нибудь машину. Но на удачу Мансур был влюблён в неё с самого шестого класса и ей не пришлось даже флиртовать с ним, когда он приехал, продемонстрировав им свою новую машину и рассказав об успешном бизнесе. Всё закрутилось быстро, Мансур был без ума от любви Айзаны. Но между ними висела помолвка с Азимом, разорвать её означало многое. А Манс всё время настаивал, чтобы она скорее разорвала помолвку, чтобы через месяц-два они объявили о свадьбе. Однако при помолвке Азимхан заплатил родителям девушки сумму, которую они уже не смогут вернуть. И сегодня Айзана собиралась после ссоры с Азимом предложить Мансуру выплатить эту сумму. Но случилось это. Мансур сбил человека.

– Ты уехал два часа назад, – быстро заговорила она, – кто-нибудь видел тебя?

Он взглянул на неё. Как же она хороша! Вся её стать, округлые бёдра, не слишком большая, но высокая грудь, слегка покатые плечи, тонкие руки с множеством звенящих браслетов на запястьях и длинные волнистые волосы. Её только переодеть подороже, снять с неё дешёвую бижутерию и она затмит всех городских красавиц!

– Нет, меня никто не видел, – чуть охрипнув, ответил он.

Она остановилась и впилась в него глазами:

– А где ты выпил? Ты ведь был сегодня здесь, всё время, пока Азимхан был на работе и уехал отсюда трезвым лишь на момент, пока мы должны были ссориться с ним!

– Я взял с собой бутылку коньяка, – слегка раздражённо ответил он, – надо же мне было чем-то унять себя, пока ты снова оставалась с ним наедине! Я с ума схожу, когда вы вместе! Я уже ненавижу его. Каждый раз, когда вижу тебя в этом доме, я теряю самообладание и мне многого стоит, чтобы не врезать ему. Ты сказала, что тебе и часу хватит поссориться с ним. Я был уверен, что ты уже дома!

– И где ты пил? – настойчиво повторила она свой вопрос.

Он вдруг заметил, что Айзана совершенно спокойна и абсолютно холодна ко всему, что сейчас происходит. К его потрясению, к тому, что он сбил человека, да и к его ревности тоже. Девушка, вопреки слухам о свойственной всем женщинам повышенной эмоциональности, была собрана в кулак не хуже любого мужика. И он почувствовал лёгкое раздражение. Может быть, Айзана всё равно, что с ним случилось? Мансур отвернулся не от Айзаны, а от сомнения, посетившего его в эту минуту. И так же, как все люди, не желающие верить тому, что видят их глаза, он отрёкся от этого сомнения и отрешённо ответил:

– Я отъехал по трассе в сторону города, встал на обочине и пил. Почему ты не порвёшь с ним? Зачем тянешь, мы ведь договорились, я специально для этого уехал отсюда. Вам, женщинам, вообще не проблема устроить скандал и хлопнуть дверью! Так почему ты в который раз не порвала с Азимханом?

– Так значит, тебя никто не видел? – снова холодно спросила она.

Он вспылил.

– Айзана, просто скажи Азимхану, что ты не хочешь быть с ним. Куда ты тянешь? Ждёшь, когда твой живот вылезет наружу? Ты ведь беременна, как мы потом всё будем объяснять твоим родителям?

Она поморщила нос и, отмахнувшись от его слов лёгким рывком головы, на полном серьёзе заговорила:

– Как только Азим приедет домой, сядь и поговори с ним. О чём угодно, а я сяду в твою машину и вытру все отпечатки в салоне. А потом попроси его увезти тебя домой, мол, пьяный, вдруг ещё что-нибудь случится? Он отвезёт тебя, но ты в машину больше не лезь до тех пор, пока тебя не начнут искать. А искать всё равно будут. Вот тогда мы оба скажем, что уезжал не ты, а он. Азимхан взял твою машину покататься и сбил человека. Понял?

Мансур понял. Только он никогда раньше не видел в ней того, что она только что ему продемонстрировала. Как она холодна и рассудительна! От этого её коварства у него слегка похолодело в душе. Мансур сглотнул и снова уставился на ковёр.

– Манс! – умоляюще вскрикнула Айзана, – Я не хочу тебя потерять! А так мы сделаем всё, в чём сейчас нуждаемся мы оба. Азимхана посадят, а мы поженимся, потому что у нас скоро будет ребёнок и пожениться нам надо как можно быстрее!

Он снова сглотнул. Почему-то его не обрадовало то, что она сейчас делала, но он покорно кивнул и тихо ответил:

– План хороший. Но Азима жалко.

– Собери слюни, Мансур! – рассмеялась Айзана и снова, упав перед ним на колени и обвив его своими звенящими браслетами, сладко впилась в его губы.

Тем временем Азимхан осторожно ехал по просёлочной дороге. Туман уже рассеялся и он судорожно перебирал в своих мыслях, как ему искать потерпевшего человека, что потом делать, вызывать ли скорую на место или везти в больницу самому? И самое главное, что говорить? Руки его слегка дрожали. Но Азим заставлял себя думать трезво. Нельзя не помочь человеку, но как Азим всё объяснит врачам и полиции? Скажет, что нашёл человека на обочине? А, если не поверят? Может быть, сказать, что вышел из машины облегчиться и увидел его? А, если

человек уже мёртв или умрёт по дороге? Оставить его и просто уехать? Но как же это? Так тоже не по-человечески. Ладони Азима слегка взмокли, он вдруг поймал себя на мысли, что делает большую глупость. Надо просто вызвать полицию и скорую на место. Не надо никого и никуда везти. Тогда Мансура найдут и посадят, а у парня только всё начало получаться в жизни. Ему никак нельзя в тюрьму. А, если промедление для потерпевшего бедняги будет фатальным?

Азимхан злился на Мансура, но всей душой хотел хоть как-то прикрыть его. Да и кому захочется, чтобы его единственный лучший друг сел в тюрьму? Даже, если этот дурак напился. А зачем он напился? И как это он смог такой пьяный доехать из самого города в такую даль?.. Нет, не надо вызывать полицию на место. Дорога мокрая, обочина тоже. Легко снимут следы протекторов колёс и найдут Манса. Чёрт, надо просто отвезти бедолагу в больницу, прикинуться дураком, пусть полиция проверяет машину Азима, они всё равно у него ничего не найдут. Машина его, хоть и старая, но не битая, и Азима отпустят. Тогда надо, чтобы Мансур уехал со своей машиной из его дома. Но как? Он пьян. А может быть, положить потерпевшего на ступеньки больницы? Да, правильно!.. Так и не придётся ничего объяснять и помогут бедняге обязательно! Лишь бы успеть!

Вскоре Азим доехал до тридцать первого километра и заглушил двигатель. Было около семи вечера и уже стемнело. Вокруг никого не было и он, взяв из багажника свой большой фонарь, побежал с ним вдоль всей обочины в поисках потерпевшего человека. Он пробежался вдоль дороги, но никого на обочине не было. Парень хотел уже вернуться к машине, как вдруг он услышал чей-то плач. Азимхан замер. Сердце его забило так, что начало стучать где-то в горле. Плакал ребёнок. Но не громко, не навзрыд, а тихо и горько. Азим направил свет фонаря на голос ребёнка, который доносился откуда-то с поля за обочиной, и как можно естественнее спросил:

– Что с тобой? Я могу к тебе подойти?

Ребёнок притих. И тогда Азимхан медленно стал подходить, но фонарь всё же опустил вниз, чтобы не бить светом ребёнку в лицо. Не далеко от обочины, почти в поле он увидел что-то большое, лежавшее на комьях мокрой земли.

– Можно я подойду? – сглотнув ком в горле, спросил Азим, – Я не хочу тебя пугать, но с тобой что-то случилось... можно я попробую тебе помочь?

И вдруг это что-то раздвоилось. Одна часть осталась лежать на земле, а другая, тихо всхлипывая, встала на ноги. Азимхан похолодел. К горлу его подступили слёзы. Парня словно парализовало.

– Это... твоя мама? – осиплым голосом спросил он.

И ребёнок ответил:

– Нет.

Азимхан приблизился к ребёнку, но сохранял безопасное для него расстояние. Перед ним стояла девочка лет восьми. Рядом на земле лежала школьная сумка. А прямо под ногами ребёнка хрипела, лёжа на боку большая чёрная собака. Она тяжело дышала и слегка поскуливала, но встать не могла. У неё была небольшая рванная рана на боку и поломанная задняя лапа.

– Это что... собака? – выдохнув, прохрипел Азимхан и слёзы радости и дикого облегчения блеснули в его глазах.

– Это мой друг, – расплакалась девочка, – его сбила машина.

– Друг? – почему-то нервно засмеялся незнакомец и девочка рассердилась:

– Он встречал меня каждый день из школы, это мой друг Акбар! Что смешного здесь, глупый ты?!

Азимхан почти машинально сунул девочке свой фонарь и подхватил животное на руки.

– Акбар? Очень хорошо, что это не твоя мама, не ты, а просто твой Акбар! Надо везти его к Азару-ага! К нашему ветеринару! – почти смеясь крикнул он, побежав к своей машине, – Пошли быстрее, пока твой Акбар не умер!

Безусловно, как это часто бывает, доверчивый ребёнок со всех ног побежал за человеком, который захотел спасти его раненного питомца. Азимхан запретил девочке впредь доверять чужим, положил собаку на заднее сиденье, усадил девчонку рядом и рванул к местному старику-ветеринару.

– Как тебя зовут? – не в силах ещё прийти себя от радости, спросил он девочку.

– Анара! – ответила та, с любопытством глядя на него.

– Позвони своим родителям и скажи, что мы едем к бабушке Азару, все взрослые знают, где живёт наш ветеринар! Живее! Как ты говоришь тебя зовут?

– Меня зовут Анара! – сердито повторила девочка и стала набирать номер на своём телефоне.

– Анара! – весело приговаривал Азим, – Хорошая ты! И Акбар у тебя молодец, раз каждый день встречает тебя!

Девочка сообщила своему отцу, что её везут к бабушке ветеринару, потому что Акбара сбила машина. И уже через минут десять в доме ветеринара собралось столько народа, будто намечалась свадьба. Напуганные родители Анары, какие-то их родственники, полиция, Азимхан – все толпились в доме старика. Родители и родственники кричали и ругали парня за то, что он посадил в свою машину чужого ребёнка, полиция пыталась в общем хаосе уловить состав преступления Азима. А старый ветеринар в это время зашивал лохматого Акбара, приговаривая, что промедление могло бы плохо закончиться для животного. Акбар истёк бы кровью и погиб. Азимхан пояснял, что ехал с города домой, вышел облегчиться и услышал плачь девочки. Не оставлять же ребёнка, оплакивавшего бедное животное на обочине! Посадил в машину, велел девочке позвонить родителям, привёз собаку, собаке вовремя оказали помощь, что тут такого? Участковый отчитал парня за само произвол, но вскоре все, наконец, успокоились. Переполюх сменился на слова благодарности, обмен рукопожатиями и групповым написанием объяснительных. И уже около десяти вечера Азимхан с облегчённым сердцем ехал домой.

К тому времени Айзана уже обсудила сама с собой все детали предстоящего расследования. Она прокомментировала все ответы на каждом вопросе, свои и Мансура, довела дело до суда и уже планировала свадьбу. Манс пребывал в шоке, глядя на девушку, методично планировавшую посадить своего парня. Он то и дело посматривал на свои часы, напуганный долгим отсутствием своего друга. И вдруг Мансур вспомнил, как началась их дружба в шестом классе. Азимхан всегда поддерживал все идеи Мансура, прикрывал его и в школе, и перед родителями и даже сейчас, когда Манс сбил кого-то, он спрятал своего друга в доме и самостоятельно пытался помочь человеку, оказавшемуся на обочине. И теперь, молча слушая свою любимую, Манс как никогда чувствовал себя предателем. Мало того, что он посмел завести отношения с девушкой друга, так вот сейчас он ещё вместе с ней планирует, как посадить Азимхана в тюрьму. Ему стало настолько противно от самого себя, что он вскочил с дивана и стал нервно ходить по комнате.

Айзана отвлеклась от своих рассуждений и вдруг сказала:

– Кстати, Манс, если бы не всё это, тебе пришлось заплатить моим родителям дважды, за помолвку с Азимом и за свою!

– Почему он так долго? – будто бы больше не слыша её, вскрикнул он, расхаживая по комнате.

Айзана сидела в кресле у окна и хотела позвонить Азиму, но вдруг отложила телефон в сторону.

– Не буду пока звонить ему, – пояснила она, – скорее всего, человек всё же был ещё жив и Азимхан повёз его в больницу.

Манс снова сел на диван и взглянул на девушку. Но он не видел её, он видел Азимхана. Мансур отчётливо представил, как его друг нашёл бедолагу и пытается спасти его, совершенно незнакомого ему человека. И, скорее всего, Азим снова ищет способ, как прикрыть Манса. А вот он, его друг Мансур, сидит тут, в его доме и дрожит от страха, соглашаясь с тем, что вытворяет с их жизнями эта холодная и расчётливая красавица в дешёвых нарядах.

– Какой же я подлец, Айзана! – обречённо сказал он.

– Хватит, Мансур, нагнетать себя! – раздражённо сказала она и встала, повернувшись к окну.

Он взглянул ей в спину и бессильно пробормотал:

– Кто мы, Айзана? Кто мы с тобой и когда мы стали такими людьми?

Она приоткрыла окно, потому что ей было невыносимо тяжело дышать разбитостью и отчаянием Мансура. И, увидев в отражении чёрного стекла его осуждающий взгляд, не оборачиваясь, ответила:

– Мы просто любим друг друга, Манс. У нас скоро будет ребёнок, мы поженимся и уедем. А Азимхан просто лох, таким людям ничего не светит в этой жизни. Потому что его вину даже не надо будет доказывать. Это же он вернулся, чтобы взглянуть, жив человек или умер. Преступник всегда возвращается, чтобы убедиться в этом. Нам нужно только сказать, что это он уехал отсюда на твоей машине, а не ты. Два свидетеля достаточно, Мансур. А вот машину ты зря разбил, красивая и новая была машина. Она мне сразу понравилась, но ничего! Мы купим себе новую!

И вдруг он сказал:

– Я не смогу его так подставить, Айзана.

Айзана резко развернулась в нему.

– Что? Не сможешь?! – пружинисто переспросила она.

– Нет, не смогу.

Мансур сидел, не глядя на Айзану и опустив голову так низко, что казался теперь девушке старым и сгорбленным. В глазах его стояли слёзы, лицо было бледным, губы пересохли, ворот рубашки был мокрым от пота, а галстук нелепо болтался на его шее, как петля.

– Я не стану этого делать, Айзана, – тихо сказал он, – я не могу. Я и так уже по уши в дерьме перед своим другом.

Машина Азимхана тихо въехала во двор и парень вышел из неё, не закрывая дверцы. Свежий, прохладный воздух снова сеялся вокруг мягким туманом, окутывая землю и Азим сделал глубокий вдох, стараясь успокоить своё перевозбуждённое сознание. Он снова мысленно рассмеялся, предвкушая, как сейчас скажет своему другу, что тот сбил собаку, а не человека и чуть не совершил преступление, бросившись бежать. С другой стороны, Мансуру будет уроком садиться за руль в нетрезвом состоянии. Азим тихо подошёл к своему окну, чтобы ещё раз посмотреть на своего друга-размазню и бесшумно заглянул в комнату.

В этот момент Айзана подошла к Мансуру и он встал, чтобы она больше не садилась перед ним на колени и не целовала его.

– Ты хочешь сесть в тюрьму? – спросила она, всё равно обняв его за шею, как раз в тот момент, когда Азимхан с улицы заглянул в комнату.

Мансур, словно прощаясь со своей глубокой любовью, в которой теперь был окончательно разочарован, коснулся пальцами её лица и, снова сглотнув, твёрдо ответил:

– Пусть будет, как будет, Айзана.

– А как же наш ребёнок, Мансур?! – с укором вскрикнула она и этот её вскрик ударил хлыстом по сердцу добродушного Азимхана, стоявшего под окном.

– Скажешь Азимхану, что изменила ему со мной, потому что тебе понравилась моя машина и будешь ждать меня вместе с нашим ребёнком, пока я буду сидеть в тюрьме! – холодно сказал он и, убрав руку девушки со своего лица, отошёл от неё в сторону.

Азимхан отступил от окна. Внезапная, пока ещё смутная, но вязкая омерзительная ярость разлилась по его венам. Эта ярость сначала парализовала тело Азима, потом вдруг стиснула его сердце, душу и голову, словно тугая судорога.

– Мансур! – гневно вскрикнула она.

Но он отвернулся от неё и теперь они оба стояли спиной к окну.

– Я не буду доказывать, что Азимхан убил человека! – не оборачиваясь, заорал Мансур девушке, ради которой ещё час назад был готов продать свою душу самому дьяволу.

– Ты будешь доказывать это, Мансур, потому что у меня твой ребёнок! – тоже закричала она, вся побагровев от ярости.

И он вдруг заплакал:

– Я плохой друг, но я не подлец, слышишь ты, тварь?!

Лицо Азимхана стало каменным. Такие люди, как он не бросаются на подонков, они медленно отступают от них всей своей могучей душой, становясь истинным проклятием для тех, кто посмел обидеть их.

– Я тварь?! – взбесилась Айзана, набросившись на Мансура со спины и ударив его сразу обеими руками, – Тогда ты сядешь в тюрьму, а я останусь с тем, кого ты последние полгода ненавидишь. Я останусь с Азимом! Потому что у меня нет никакого ребёнка, понял?! У меня его нет! А ты просто идиот, который проведёт остаток своей жизни в тюрьме!

Мансур резко развернулся, его сознание помутилось. Он взревел, как бешенный пёс и со всего маху ударил девушку по лицу. Его удар был такой силы, что она отлетела к стене и тут же сползла с неё на пол, оставляя затылком тёмно-красный след. Глаза её снова стали стеклянными и не подвижными, только в этих глазах Мансур больше не видел ни холодности, ни гнева, ни сумасшедшей красоты.

Туман рассеялся. Азимхан сидел на земле под окном своего дома и думал о своём друге и любимой. Сегодня он потерял их обоих, тех, кто многие годы укрывался за его спиной? И хотя теперь он понимал, что удары в спину чаще наносят те, кого защищаешь грудью, там в груди билось обыкновенное человеческое сердце, которое снова дрогнуло, когда Манс медленно вышел из дома на улицу.

– Это была всего лишь собака! – прошептал Азим, закрыв рукой своё лицо.

– Я понял это, прости, если сможешь! – услышал он в ответ.

Двое

Тёплым июньским вечером, уже после заката, всё время спотыкаясь, чуть не падая, но удерживаясь за кустарники с помощью одной свободной руки, он бежал в темноте, поднимаясь всё выше и выше в гору. Дыхание прерывисто вырывалось из его груди, сдерживая отчаянный крик. Ахан не хотел умирать. Любой ценой ему надо было убраться отсюда, с этой горы, куда он привычно пришёл после работы за целебными травами для матери, страдавшей параличом мышц конечностей. Травы женщине нужны были для помощи неподвижному организму, каждый день она пила их как чай и верила, что когда-нибудь она встанет из инвалидного кресла, благодаря их целебной силе. В горах темнело быстро. Он уже набрал цветущего шалфея, зверобоя, лопуха, сложил травы в небольшой рюкзак и готов был вернуться домой. Но, спустившись с горы к речке, которая протекала вдоль каменистой дороги и собираясь перейти через неё по узкому металлическому мосту, Ахан увидел машину, остановившуюся прямо у этого моста. И всё бы ничего, машина как машина, чего тут такого? Но то, что он увидел в последующие минуты изменило всё. Замерев от неожиданности, Ахан стоял на мосту, не мигая глядя на мужчину, который вытащил из багажника сначала лопату, а потом и связанного по рукам человека. Это была девушка и она была без чувств. Жертва безвольно лежала на каменистой насыпи возле машины и не шевелилась. При свете фар Ахан сразу узнал этого мужчину. Это был сорокалетний холостяк Салман, живущий со своей матерью Замирой прямо по соседству. Они приехали полтора года назад и казались тихими и ничем не приметными людьми. Но теперь Ахан видел, что сосед собирался учинить кому-то настоящую казнь. Высокий, грузный, чуть лысоватый Салман грубо пнул девушку, она застонала и слегка зашевелилась.

– Переверни её! – холодно велел он сам себе.

– Да, да, сейчас! – тут же совершенно изменившимся голосом послушно ответил себе Салман, посмеиваясь своей суетливости.

Мужчина склонился над девушкой, перевернул её на спину и хрипло засопел, собираясь содрать с неё одежду.

– Тихо! – вдруг снова scomандовал он сам себе и резко распрямылся, увидев стоявшего на мосту в ста метрах от него оторопевшего Ахана.

Оба они смотрели друг на друга всего мгновение, после которого мужчина с яростью дикого зверя сорвался с места. Ахан вздрогнул и в панике, ничего не соображая, побежал по мосту снова на гору, с которой он только что спустился.

– Стой! Я не трону тебя! – крикнул Салман, попытавшись обмануть парня, но тот даже не убавил шагу.

И тогда, достав из кармана охотничий складной нож и размахивая им в темноте, Салман в бешенстве бросился за парнем.

Девушка пришла в сознание, но не шевелилась. Она слышала, как двое мужчин говорили, стоя над ней. Потом она чувствовала, как один из них перевернул её на спину и стал раздевать. Но окончательно она открыла свои глаза, услышав прямо над собой: «Стой! Я не трону тебя!». Пока что она ничего не понимала и лежала неподвижно, прислушиваясь, как удаляются вверх по каменистой горе шаги незнакомцев. Но постепенно прояснившееся сознание пробудило в ней дикий страх и отчаянную панику. Руки её были крепко связаны верёвкой, голова сильно кружилась, но она поняла, что рядом с брошенной машиной она осталась совершенно одна. Девушка сделала попытку и ей удалось сесть. И вдруг под раскрытым багажником она увидела большую вмятину на бампере и сломанное крыло над задним колесом. Девушка подползла к обломку железа и судорожно начала резать им верёвку, связывающую её руки. И освободившись от верёвки, бедняга отбросила её, как можно дальше в траву и отползла от машины.

В горле Ахана застрял крик и он, прижав к себе свой рюкзак, со всех ног бежал к зарослям, чтобы суметь скрыться в темноте. Салман, конечно же, убьёт его, потому что он увидел собственными глазами убийцу, которого ищет вся полиция местного округа. Их городок живёт в напряжении с прошлой осени, когда одна за другой стали исчезать молодые девушки. Тела некоторых из них находили, но большинство нет. И вот теперь именно он, Ахан, увидел этого человека, которого безуспешно искали почти год. Теперь зверь не успокоится, пока не убьёт свидетеля. И парень очень отчётливо понимал это, поэтому бежал, нарочно петляя, поднимаясь в гору как можно выше. И вдруг он понял, что напрасно поднялся на гору. Надо было просто бежать вниз вдоль реки, по направлению к селу, до запруды, вокруг которой он всё знал с детства. Но теперь река с мостом, дорога, машина Салмана и девушка остались внизу. В крошечной темноте он не обращал внимания на хлеставшие его по лицу торчащие во все стороны ветки, и колючие прутья. Затем он срезал путь в нужном месте и теперь спускался с обрыва горы, снова пробираясь к реке, шумевшей вдоль широкой горной дороги. В этом месте река не слишком быстротечна, здесь чуть ниже, если ориентироваться от моста, кто-то слегка перекрыл реку валунами, сделав запруду, правда дальше она снова переходила в довольно бурный поток. За своей спиной он слышал тяжёлый сап Салмана, его кашель, какой обычно одолевает курильщиков во время бега, его спотыкающиеся шаги. И вдруг звуки резко прекратились и Ахан догадался, что Салман потерял его из вида. Преступник, затаившись в темноте, прислушивался, чтобы угадать по шуму, в какую сторону бежит Ахан. И парень замер, чтобы не дать Салману возможности услышать, что он совсем рядом. Ахан стоял в густых колючих зарослях дикого шиповника, едва дыша. Ему никак, никак нельзя было умереть! У него больная мать, которая никому не будет нужна после его смерти. Инвалиды никому не нужны. Ему бы попасть к запруде, где он знает, куда спрятаться от Салмана. Ахан вырос здесь. Всё детство они плескались в этой горной речной запруде, подолгу лежали в мокрых трусах на камнях под летним солнцем, а некоторым смельчакам удавалось даже прыгнуть в воду с высоких камней.

– Куда он делся? – жалобно и хрипло, задыхаясь от долгого бега, где-то совсем рядом спросил Салман.

– Заткнись, он здесь, далеко ему не уйти! – тут же спокойно ответил он сам себе совсем уже другим, самоуверенным харизматичным голосом.

Ахан повернул голову на голос Салмана, с ужасом поняв, что его сосед говорит сам с собой так, будто бы их двое. Парень стоял в чёрных зарослях, на каменном выступе горы, расщеплённым от основной скалы и река теперь была прямо под этим выступом. Если спуститься под обрывом – Ахан попадёт в знакомую запруду. Потом заплывёт за камни и выйдет на берег. Салман в этих краях человек новый и он не знает этих мест. Только как сейчас спуститься к реке? Обрыв довольно высокий, Салман преграждает обходной путь с обрыва, а спрыгнуть с каменного выступа в воду Ахан не мог решиться.

Тем временем девушка, оставленная возле машины, наконец, поднялась с земли. Она взгляделась в черную стать горы, возвышавшуюся за мостом, но никого не увидела ни на мосту, ни за ним. И хотя она чуть не упала от странной сбивающей с ног слабости, она всё же удержалась и сильно раскачиваясь, торопливо побрела вдоль пустынной дороги обратно, по направлению к селу, из которого её привезли. Не смотря на дикую панику и ужас от происходящего, сознание её постепенно начинало работать, но в её голове сложилась спутанная картина: её похитили два мужчины, зажав нос какой-то вонючкой, но потом один из них побежал по мосту, а второй бросился за ним, чем невольно дал ей один единственный шанс на спасение.

Салман ещё минуту прислушивался к тишине. И, если бы Ахан продолжал стоять на месте, спрятавшись в зарослях, преступник проскочил бы по горе мимо выступа, даже не заметив его. Но когда Салман сравнялся с парнем, Ахан буквально вывалился из своего укрытия. Ему требовалось всего одно мгновение, однако по воле случая, нога Ахана поползла по насыпи и он, пытаясь удержаться, выскочил вдруг прямо перед Салманом, прижимая к груди

свой рюкзак, и тот тут же ударил парня ножом. Ахан вскрикнул от ужаса и попятился к краю выступа, осознавая, что Салман всё-таки убил его. Парень замер, потом покачнулся, стоя спиной к обрыву реки. Ноги его ослабли, руки выронили дырявый рюкзак и Ахан упал на колени, растерянно глядя в глаза своего убийцы. А тот, презрительно вытерев нож краем своей свисавшей на брюки рубахи, пнул парня ногой в живот, стараясь столкнуть умиравшего Ахана со скалы. И этот удар был такой силы, что Ахан тут же полетел с горы в ту самую запруду, плюхнувшись в неё с высокого обрыва спиной. Упав в воду, парень почувствовал, что его голова опустилась на крупный подводный камень, оставив в прозрачной воде дополнительные, медленно расползавшиеся багровые кольца.

«О, это уже не важно!» – подумал Ахан, но вдруг почувствовал, что этот удар головой дал ему силы всплыть на поверхность. И тут следом за ним в тихую запруду упал его рюкзак, битком набитый травой. Он слегка покачивался неподалёку от Ахана, а парень, задрал голову подбородком вверх и, стараясь не шуметь, медленно поплыл к берегу. Скоро Ахан кое-как выбрался на берег и ползком полез под камни, где сразу же отключился, лёжа на животе и отвернув разбитую голову от дороги. А Салман настороженно склонился с обрыва, вглядываясь в воду. Луна за этот промежуток времени уже переместилась, поэтому река была в полной темноте. Он с досадой подумал о том, что не взял с собой фонарика, но вокруг была такая тишина, что Салман понял, что переживать в принципе уже не о чем. Он ждал всплески воды или ещё что-нибудь, но перед его глазами снова мелькнуло лицо Ахана, наполненное предсмертным ужасом. Широко открытый рот, выпученные растерянные глаза и безвольное тело, опустившееся перед ним на колени.

Ахан приоткрыл глаза, вокруг него рассеивался какой-то странный белый туман. Парню вдруг привиделось, будто он вскочил на ноги, внезапно поняв, что нож не достал до него, потому что рюкзак, прижатый к его груди, был слишком плотно набит травой.

– Я жив! – радостно пронеслось у него в голове, – Салман не убил меня! Я жив!

Салман тем временем посидел ещё несколько минут, потом торопливо стал спускаться с горы, обойдя выступ. Добравшись до моста, он быстро побежал к машине, где оставил свою жертву. Теперь паниковал он. Что, если пока он бегал за парнем, мимо его машины проезжал кто-нибудь и нашёл девчонку со связанными руками?

А девушка уже бежала по дороге, с обеих сторон которой возвышались тёмные скалистые стены гор. Она кое-как переставляла свои дрожащие ноги, спотыкаясь и падая, потому что то, что она вдохнула из прижатой к её носу тряпки сильно опьянило её. Ей хотелось плакать, кричать, звать на помощь, но она не могла. Сил в её теле практически не было, будто бы все они были потрачены на то, чтобы решиться бежать. И, качаясь из стороны в сторону, она просто торопливо шла вдоль дороги. Наконец, девушка очутилась там, где справа от неё была та самая запруда, со всех сторон заваленная камнями. Ахан стоял на берегу этой запруды и осторожно поднял руку, стараясь не напугать девушку. Но она не увидела его. Потому что в этот момент обернулась, глядя на дорогу, мысленно моля бога, чтобы мимо проехала хоть одна машина. Но никого не было и она побежала по дороге уже намного быстрее.

– Нет, нет! Не беги по дороге! – догоняя её, крикнул Ахан, выскочив из-за камней.

Ему показалось, что девушка побежала ещё быстрее.

– Хорошо, хорошо! – успокаивал он её, – Я не приближаюсь к тебе! Но пожалуйста, уйди с дороги. Он вернётся за тобой!

Девушка не оборачивалась, она вдруг остановилась и парень увидел, что её стошнило прямо на дорогу. Потом она зачем-то сняла свою обувь и, прижав туфли к груди, распрямилась. И тут Ахан понял, что девушка не в себе. Она не реагировала на его голос, не могла сообразить, в какую сторону ей идти дальше и долго всматривалась в темноту, собравшись идти обратно, где стояла машина Салмана. Тогда Ахан встал перед ней, указывая бедняге на дорогу к селу, и когда девушка сориентировалась, он не торопливо пошёл следом.

– Просто уйди с дороги и не пытайся остановить машину! – громким шёпотом умолял её Ахан, стараясь держаться от девушки подальше.

«Она не боится меня! – подумал Ахан, – Но это довольно странно для такой ситуации, а что, если я и есть её похититель!».

Девушка вдруг остановилась и, обернувшись, взглянула на него.

– Если он поедет обратно, ты не сможешь понять, что это машина твоего похитителя! – пользуясь минутой её внимания, выкрикнул Ахан и сел на камень, потому что он сам был обессилен до такой степени, что будто бы проваливался куда-то. И тут он увидел, что она смотрит не на него, а на дорогу, в надежде увидеть встречную машину, чтобы всё-таки попросить о помощи.

– Я знаю, что ты очень напугана, – продолжал говорить Ахан, – но тебе выпала счастливая случайность, чтобы спастись. Пожалуйста, уйди с дороги, прячься от любой машины, превратись в тень и тогда ты вернёшься домой. Я буду идти следом за тобой, мне тоже надо вернуться... там, дома... моя мама. Она очень больна и ждёт меня... но я... я не могу бросить тебя.

И, едва переводя дыхание, она безнадёжно посмотрела на дорогу и вдруг задумалась. По тому, как оживились её глаза, забежав от потока мыслей, он понял, что она приходит в себя от потрясения и теперь обдумывает то, что он сказал ей.

Дорога была пустынной, ночная прохлада сеялась между гор и машина Салмана с включёнными фарами и открытым багажником всё также стояла на дороге. Но девчонки нигде не было. Салман почувствовал, как прокусил до крови свою губу. Он в панике бросился к машине, машинально забросил свою лопату обратно в багажник и стал бегать вокруг, освещая местность своим мощным фонарём, в надежде найти беглянку. Но никого вокруг него не было. И Салман вернулся, ухватившись за открытый багажник.

– Её подобрала какая-нибудь попутная машина? – прохрипел он, судорожно размышляя, – Или она очнулась и убежала?

– Если убежала, то сейчас идёт по дороге в сторону села! – снова ответил ему другой Салман, закрывая багажник.

– А что, если её подобрали проезжающие мимо люди? – жалко заскулил первый.

– Попробуем сначала найти её! – бесстрастно ответил второй, – Надо проехать вниз. Все эти жалкие овцы пытаются бежать по дороге в надежде встретить людей. Но в свете фар она не поймёт, что это мы и выбежит к нам навстречу, чтобы просить о помощи.

Салман сел за руль, бросив фонарь и нож на заднее сиденье, дождался, когда второй тоже сядет рядом и шумно развернул машину.

– А что, если её всё-таки подобрали? – скулил он, вглядываясь в освещённую фарами дорогу.

– Она не видела тебя и не сможет сказать, кто её сюда привёз! – спокойно ответил второй, прикуривая сигарету.

– Но она сидела рядом с моей машиной! – чуть не завизжал первый, – Как тут не догадаться?!

– А, может быть, ты тоже остановился, увидев её с насильником? – усмехнулся второй, шумно выдыхая дым и открывая окно, – Ты побежал за преступником, бросив машину, потом завязалась драка и ты по случайности убил преступника.

И тут машина Салмана вывернула из-за поворота недалеко от запруды и девушка, увидев его машину, всё-таки рванулась к дороге, чтобы закричать и просить о помощи. Но в этот момент Ахан с силой толкнул её и она упала как раз под тот камень, на котором он только что сидел. Девушка оказалась прикрытой этим камнем и машина Салмана пронеслась мимо неё.

Беспомощно глядя в след исчезающей машине, девушка отчаянно закричала. Но, увидев помятый бампер с вывернутым куском крыла над задним колесом, она вдруг в ужасе притихла и больше не пыталась выбегать на дорогу, прячась в кустах.

Салман немного успокоился, но ненадолго. Вдоль всей дороги, до самого села они проехали несколько раз туда и обратно и никого не нашли. Тогда оба Салмана единогласно решили вернуться в горы.

А девушка, почти до земли приседая за камнями каждый раз, когда машина проезжала по дороге, вскоре добралась до села. И как только Ахан увидел, что она добежала до светлого пятна первых сельских улиц, его сознание помутилось и он провалился в темноту. В последнюю минуту он убеждал себя, что девушка обязательно позовёт кого-нибудь ему на помощь. Но она, ворвавшись в свой дом со слезами и криками и всполошив своих родителей, ни слова не сказала о парне, который помог ей добраться до дома. Она была поглощена тем потрясением, которое пережила и, сидя в полицейском участке, плача и трясясь, говорила:

– Меня зовут Дана. Мне двадцать лет. И сегодня вечером меня похитили два мужчины, когда я закрывала магазин и собиралась пойти домой. Они сначала о чём-то говорили за моей спиной, я хотела обернуться, но один из них подошёл сзади и зажал мне нос какой-то тряпкой, от которой сильно воняло. Они увезли меня в горы, километров пять- семь от села, но потом вдруг поссорились и я сбежала! Сначала я хотела остановить попутную машину, попросить о помощи, чтобы быстрее добраться до дома. Но что-то случилось и я упала в камнях, оказавшись вне видимости для водителя. Сначала я расстроилась, но вдруг увидела, что это была та самая машина! И я побежала, прячась за камнями, до самого дома!

– Вы видели их лица?

– Нет.

– Вы запомнили номер машины?

– Нет.

– Вы запомнили марку машины?

– Я не разбираюсь в них.

– Почему они поссорились?

– Я не знаю.

Ночь была бесконечной, девушку осмотрел врач и сообщил полицейским и ей самой, что она вполне здорова и нет ни единого признака насилия. Анализ на вещество, которым преступник опьянил девушку будет готов к утру. А к утру в полицию прибежала пожилая соседка матери Ахана по имени Замира.

– У моей соседки вчера сын не вернулся с гор! – сказала она, с тревожным любопытством разглядывая девушку, сидевшую в участке.

– Сын? – спросили её.

– Да, – подтвердила пожилая тётя Замира, продолжая рассматривать заплаканную девушку, – его зовут Ахан. Ему двадцать лет. Каждый день, заканчивая работу, он поднимается в горы, собирает лечебные травы для своей больной матери и возвращается домой к восьми вечера. Но вчера Ахан не вернулся и его мать попросила меня обратиться к вам. Сама она инвалид, сидит в кресле-каталке, поэтому прийти сюда самостоятельно не может.

– Ахан? – переспросил полицейский.

– Да, Ахан.

– У него есть машина?

– Есть. Но сегодня утром она была во дворе.

– Скажите адрес вашей соседки.

– Прохладная улица, дом восемьдесят, – последовал ответ.

– Это мог быть один из моих похитителей! – воскликнула Дана, слушая этот разговор, но полицейским было не до её предположений.

Пожилая Замира нахмурилась вдруг, улавливая тайный ход своих мыслей и снова уставилась на девушку. Горькая догадка пронзила всю её душу и она побледнела.

– Вас похитили вчера ночью? – осевшим голосом спросила она.

Дана кивнула.

– А вы видели, кто это? – осторожно спросила мать Салмана.

Но девушка печально покачала головой:

– Нет.

Полицейские засуетились и велели Данае показать дорогу на то место, где её высадили ночью из машины. А двое других полицейских отправились на адрес женщины-инвалида. И через полчаса два следователя, около десятка полицейских с собаками на двух машинах и сама Дана стояли около моста в горах, где ночью девушка очнулась от хлороформа.

Пока криминалисты внимательно исследовали место происшествия, фотографируя следы протекторов колёс от машины Салмана, Дана показывала следователю на гору за мостом, куда побежал преступник, преследуя своего подельника с криками: «Стой! Я тебя не трону!». Собаки рьяно вынюхивали местность, а их поводыри едва поспевали за ними, когда они рванули на гору. А вокруг машины полиция нашла разрезанную верёвку и следы только двух человек: мужчины и женщины.

– Чем вы резали верёвку? – спросил следователь девушку.

– У них бампер был помятым и крыло сломанное, – ответила она.

– Какой цвет машины? – оживился тот.

– Кажется чёрный, грязная машина, я не помню, – растеряно отвечала Дана.

– Вы уверены, что их было двое? – задумчиво спросил её следователь, записывая что-то в блокнот.

– Да, определённо да! – ответила она с уверенностью, – Их было двое!

Тут к пожилому следователю подбежал сотрудник с собакой на поводке.

– Там, за мостом, – прерывисто дыша, доложил он, – там следы двоих мужчин!

– Их было двое! – настойчиво повторила девушка.

– Второй, видимо, выпорхнул из машины и перелетел через мост, прежде чем бежать в горы, следов -то он не оставил! – хмуро возразил следователь.

– Нет! – отрезала девушка, – Я слышала их голоса прямо над собой! Они оба стояли здесь.

Следователь устало взглянул на Дану.

– Откуда вы знаете, кто стоял рядом с вами, когда вы очнулись? – угрюмо спросил он, – Может, похититель говорил с кем-то со стороны, вот вам и показалась картина наоборот.

– Я слышала их обоих два раза! – вскрикнула девушка, – Они говорили меж собой за моей спиной у магазина, а потом говорили здесь, когда один велел другому перевернуть меня!

В это утро Салман проснулся далеко в горах, куда он вчера кое-как забрался, боясь возвращаться в селение. Он не знал, куда делась девушка, но раз он не нашёл её, она выжила. Салман открыл глаза, солнце давило ему на грудь, нагрев лобовое стекло и он, вывалившись из машины, пошёл в кусты. А когда его взгляд в поисках ширинки выхватил спущенные края рубашки, он отшатнулся и чуть не взвыл от ярости. Полы рубашки не были испачканы кровью Ахана. Вчера ночью в темноте он вытер краем рубашки чистый нож! Значит, он не зарезал его, парень живой!

– Это конец! – прошептал он.

– Не реви, как тряпка! – ехидно пожёвывая незажжённую сигарету, одёрнул его второй Салман, – Ты в любом случае столкнул его с обрыва в реку!

Но Салман уже судорожно шарил руками по заднему сиденью, а потом вытащив нож из машины и увидев, что он совершенно чист, взревел:

– Да, я столкнул его, но он упал в воду, а не на камни!

– Ну, и что? – второй Салман отбросил нож обратно на сиденье и захлопнул заднюю дверцу, – Река горная и хотя не глубокая, в ней слишком много камней. Не паникуй, придурок, парень разбился однозначно!

– Это не хорошо! – торопливо застёгивая ширинку, бормотал первый Салман, обмочив бампер своей машины и запрыгивая на водительское место, – Садись быстро, надо убираться из этих мест! Всё это не хорошо!

– Позвони матери, дурак, и спроси, что происходит в селе? – распорядился второй, спокойно усаживаясь рядом с ним, не выпуская сигареты изо рта.

Салман дал ему прикурить и тут же, вытащив телефон из провисшего кармана брюк, набрал единственный номер и через минуту услышал чуть взволнованный голос своей матери:

– Где вас носит опять?

– Мы в порядке, заехали в горы, ты как? – как можно веселее осведомился он у матери, – Всё ли спокойно в селе?

– Да, а что такое? – спросила она.

– Ничего! – сухо ответил он и хотел положить трубку, но она вдруг сообщила:

– Сын нашей соседки пропал, вчера не вернулся домой и она просит меня сходить в участок. Вы когда будете дома?

– Через час! – быстро ответили оба Салмана и сбросили звонок.

– Что я тебе говорил? – почти рассмеялся второй Салман, – Парень разбился к чертям, иначе он давно был бы дома! Поехали в село, заберём мать и свалим отсюда!

– А девчонка? – сжав до бела пальцами руль, спросил первый.

– А девчонка ничего не видела, ни машины, ни твоего лица! – раздражённо рявкнул второй, – Поехали уже!

Салман развернул машину и, не слишком-то заботясь о ходовке, рванул в село.

Собаки рвали глотки, бегая вокруг полицейских, которые кое-как удерживали их на месте.

– Одного нашли! – доложил кому-то следователь по телефону и взглянул на тело у тихой заруды.

Медики методично собрались около парня, лежавшего среди камней. Парень лежал на животе, отвернув голову от дороги. Дана с ужасом поглядывала на него из-за плеча следователя, который хмуро ждал заключения медиков. Но вот один из них подбежал к нему и отчитался, пока остальные осторожно грузили Ахана в машину:

– Парень жив, но он в коме! Черепно-мозговая травма и пара переломов. Похоже, что он сорвался с верхнего выступа и упал в воду.

– Девчонку что ли не поделили? – вслух размышлял пожилой следователь, покусывая край губы.

А тем временем двое полицейских вышли из дома женщины-инвалида, осмотрели машину её сына, стоявшую во дворе и вдруг услышали хриплый голос старой женщины, стоявшей по ту сторону забора.

– Пока они ссорятся меж собой, заберите их обоих, умоляю вас!

Голос её был напуганным, беспомощным, сдавленным и тихим, будто женщина боялась, что её услышат. Сегодня, когда её Салман вернулся с гор, мать нашла в машине женскую сумку, отключенный телефон в розовом футляре и всё поняла. Её прежние догадки, что сын причастен к исчезновениям людей снова подтвердились. И теперь она тряслась всем своим тощим и сгорбленным телом, прижавшись к высокому деревянному забору соседей и, глядя на полицейских во дворе соседки, тихо плакала.

С крыльца её дома послышалось:

– Я не могу оставить мать одну!

– Тогда сгребите её насильно в охапку и поедем уже!

Женщина испуганно отбежала от забора. Чувствуя что-то не ладное, один из полицейский вызвал наряд на данный адрес, а второй торопливо вышел со двора и постучал в ворота соседнего дома.

– Спокойно! – предупредил второй Салман, точно предполагая, что первый снова запаникует, – Я сам открою ворота.

Когда второй полицейский вошёл во двор соседнего дома, перед его напарником стоял высокий, с измученным бледным, но всё-таки бесстрастным лицом Салман. Он спокойно отвечал на вопросы полицейского, устало потирая лицо и мельком поглядывая на мать, растерянно прижавшуюся к соседнему забору.

– Кто ещё есть в доме? – спросил полицейский.

– Никого, – безразлично ответил Салман.

– Только вы и ваша мать?

– Да, только мы и наша мать!

Полицейский оценил сказанное, слегка задумался, глядя на растерявшуюся женщину. И вдруг он увидел, как трясутся её руки.

– Куда вы собираетесь? – кивнув на поклажу возле запыленной машины, спросил он, растягивая время.

Полицейский сразу заметил помятый бампер и сорванное крыло, но он не подал виду и бесстрастно обернулся к Салману.

– К родственникам поедем! – так же спокойно ответил Салман, почесав затылок толстыми пальцами с грязными обгрызанными ногтями, – Там оставим мать, а сами будем искать новую работу. Здесь, в этих краях зарплаты так себе.

«Он говорит о себе во множественном лице!» – написал в планшете второй полицейский и протянул его напарнику. Тот мельком прочитал и кивнул, мол, сам вижу. И он стал задавать вопросы Салману о каком-то грабеже, якобы произошедшем накануне тогда, как второй полицейский подошёл к старой женщине.

– Это ваш сын? – спросил он её.

– Да.

– Кого «их» вы просили забрать и почему? – как можно деликатнее спросил полицейский. Женщина кивнула на Салмана:

– Заберите их! Иначе они снова повезут меня куда-то. Я устала мотаться с ними по свету! «Старуха тоже не в себе!», – подумал полицейский и снова взглянул на машину.

– Почему всё-таки: «их»? – спросил он, разглядывая запыленный кузов, – Сын же у вас один?

– Они так хотят. С детства требуют, чтобы я говорила только так.

– Где и с кем ваш сын был прошлой ночью? – полицейский внимательно разглядывал теперь и саму женщину.

– Откуда мне знать, где они были. Они всегда одни. Вчера они в горы ездили, они часто туда ездят! – дрожащими губами промямлила старая женщина, глазами отслеживая сына, стоявшего к ней спиной и отрицавшего своё участие в грабеже какого-то железа.

Через полчаса обоих Салманов срочно доставили в полицейский участок, где Дана давала дополнительные показания по поводу своих похитителей.

– Какого чёрта?! – заорал Салман, когда полицейский нарочно ударил его коленом под колено перед девушкой.

Он чуть не упал, но полицейский удержал его.

– Заткнись, не выдавай себя! – довольно громко ответил ему второй.

И она обернулась.

Нет, эти голоса девушка уже никогда не забудет. И полицейские, увидев её выражение лица, даже не спросили, знакомы ли ей голоса этого мужчины. Они просто сразу же увели Салмана в отдельный кабинет.

– Этих двоих вы слышали, Дана? – спросил её следователь.

– Да, но... – от растерянности она не знала, как себя вести.

Но следователь отмахнулся:

– Эх, бросьте! Это раздвоение личности, Дана, не волнуйтесь. Но что с тем парнем в камнях? Вы не видели его с этим, что говорит двумя голосами? Неужели парень – это отдельный случай?

– Парня, который лежал в камнях я где-то видела, – растерянно пробормотала она, но не у той машины... нет! Я... я не могу вспомнить, где я его видела.

– Вы же с одного села, Дана. Могли его видеть, как односельчанина, а могли видеть в ту ночь. Вспоминайте!

Дана отрицательно покачала головой:

– Нет. Я не видела его той ночью. Просто есть ощущение, что я его знаю.

В ходе следствия один из Салманов признался в похищении девушек, второй постоянно огрызался с сотрудниками уголовного розыска и запрещал говорить слюнтяю-первому. Но это всё равно уже не мешало следствию.

– Зачем вы пытались убить Ахана? – подыгрывая Салману, как бы между прочим спросил следователь мягким и дружелюбным голосом, втираясь в доверие к первому из них.

– Мы не знаем, кто это! – яростно выкрикнул второй.

– Мальчишка спустился с горы со своим рюкзаком, появился прямо перед нами и всё видел, нас, девчонку... у нас не было другого выбора! – покорно признался первый.

– Выходит, он свидетель? – подытожил следователь, скрывая своё изумление, как появление парня в горах спасло жизнь девушки.

Ведь не окажись там Ахана, Дана бы погибла. Но теперь был вопрос: где и когда Дана могла видеть Ахана? Но на этот вопрос ответа так и не нашлось и все решили, что Дана всё-таки где-то раньше видела односельчанина.

Ахан вышел из комы через неделю, потом около месяца лежал в больнице. Парень перенёс две операции, но всё же, даже полностью восстановившись, он был абсолютно уверен, что шёл за девушкой в ту ночь до самого села, давая ей советы не выходить к дороге. Но медики говорили, что с его травмой это было невозможно.

А Дана только во время суда узнала, что если бы не он, она стала бы очередной жертвой чокнутого Салмана.

– Когда ты бежала по дороге к селу, тебя ведь стошнило перед тем, как ты приняла решение прятаться от машин? – осторожно спросил её Ахан, когда они вдвоём вышли из зала суда.

– Да, – ответила она, – а... откуда ты знаешь?

– И ты сняла туфли, а потом, когда хотела выбежать к машине Салмана, упала под огромный валун, так ведь? – снова спросил он.

– Да, – похолодев ответила девушка, – но откуда ты знаешь? Ты ведь в тот момент был в коме!

«Я знаю это, потому что я был рядом!» – мысленно ответил Ахан и улыбнулся на прощание девушке:

– Мне казалось, что я был тогда рядом с тобой.

Она, слегка растерянная после всего, что с ней случилось, сказала Ахану ещё раз: «Спасибо!» и пошла к своему дому. Хотя всю дорогу, а потом и всю свою жизнь, Дана будет спрашивать себя, кто тогда толкнул её под камень, когда она хотела выбежать к машине Салмана? И откуда Ахану было известно то, что знала только она сама, когда в ужасе отчаянного одиночества убегала от своего убийцы?

А старая Замира всё это время молча ухаживала за матерью Ахана, пока её сын лежал в больнице. Женщина-инвалид холодно наблюдала за матерью преступника, помощь она не принимала, просто не возражала Замире. Женщина ненавидела сына Замиры за то, что он чуть не угробил Ахана, но мать этого животного она осудить не могла. А та, словно отработывая свою провинность перед ней, старательно мыла полы, готовила еду, убирала двор и ухаживала за больной. И всё молча, не говоря ни единого слова. Казалось, что ей не было больше интересно, что будет с её сыном. Она не приходила в участок и не пришла на суд. Часами старая женщина сидела на лавочке возле дома, ни с кем не разговаривая и никому не жалуясь. Но однажды, прочитав в местной газете, что Салмана приговорили к смертной казни за убийство восьми девушек, она тихо повесилась в полуразвалившемся сарае их опустевшего дома, оставив короткую записку тем, кто её найдёт:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.